

Критика и библиография

**"ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НАУКИ": НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА
ИЛИ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ?***

Вышел в свет еще один фундаментальный труд М.Г. Ярошевского. Представленный частный фактический материал знаком читателю, интересующемуся проблемами истории психологии и психологии науки, — прежде всего по более ранним работам этого автора. Но организованный системно, данный материал закономерно подводит к осознанию того факта, что в его основе лежат постулаты, общий статус которых позволяет говорить не просто о построении отдельной концепции психологии науки, а о предпринятой попытке построения целостной теории познания, интегрирующей современные достижения психологии, социологии и логики.

В авторском предисловии говорится, что данный труд в первую очередь является обоснованием категорий и понятий новой научной дисциплины — "исторической психологии науки". Безусловно, необходимость возникновения такой науки диктуется самой логикой рефлексии, обращенной на процесс познания: наука, имеющая предметом историю науки, не может быть только хронологией; она должна описывать их закономерности, внутренне связанные с аппаратом науки (объяснительные принципы, категории, понятия), который сам постоянно обновляется. Его развитие должно стать предметом научного анализа, и задача разработки науки, способной к такому анализу, без сомнения, является и очень сложной, и чрезвычайно важной. Но по ходу знакомства с данным трудом возникает вопрос: действительно ли автор решает только одну эту задачу или все же затрагивает, может быть невольно, и вопросы более общие? Как представляется, верно скорее второе. На наш взгляд, здесь — при известной ориентации на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского — конструируется определенная эпистемологическая позиция, лишь опирающаяся на марксистскую теорию познания, но несводимая к ней.

Читатель, сделавший над собой некоторое усилие, чтобы не слишком погружаться в богатство эмпирического материала, — который сам по себе представляет большую ценность, в частности как повод для пробуждения чувства национальной гордости за российскую науку, — обнаруживает, что в тексте фактически происходит введение совершенно особых признаков субъекта научного познания и предмета его познания. Эти признаки не столько явно формируются, сколько реально действуют — в роли неких средств структурирования элементов мысли: при постулировании общих принципов, частных категорий, понятий и законов "исторической психологии науки". Прежде всего это можно видеть в принципах "детерминизма", "системности" и "развития" (которые, надо признаться, содержательно очень близки друг другу), в категории "надсознательного" и в "идеогенетическом законе". При этом принцип "детерминизма" служит эталонной методологической, или "категориальной", матрицей для структурирования понятий всех других уровней. В книге данный принцип рассматривается в динамике своего развития. Некоторое ограничение на описание конкретно-исторических проявлений этого принципа вводится автором из-за его верности фактам истории из одной только — психологической — области. Для истории психологии он выстраивает следующий ряд причинных объяснений сущности психической жизни: гилозоизм как обращение к понятию всеобщей одушевленности в природе — механицизм как использование понятия последовательности машинообразных актов — биодетерминизм как усмотрение связи организма с окружающей

* Рец. на кн.: М.Г. Ярошевский. Историческая психология науки / Под ред. проф. А.И. Мелуа. СПб.: Изд-во Межд. фонда ист. науки, 1995. 352 с.

средой – психодетерминизм как открытие психической истории отдельного организма. Таким образом, дается оригинальное авторское описание конкретных форм принципа "детерминизма" как одной из таких "матриц", которые выступают в качестве методологических средств конструирования конкретных научных описаний и заимствуются отдельным ученым у научного сообщества его, исторически конкретного, времени. Последовательное прохождение этих ступеней познания психического предполагает не просто отвержение предыдущей ступени, а интеграцию основных ее моментов посредством использования критерия, характерного для следующей ступени. Если бы это было не так, то "идеогенетический закон", служащий другим краеугольным камнем "исторической психологии науки", лишился бы своего субстанционального основания и не мог уже иметь статус закона. На этом же основании этапы развития принципа "детерминизма" не должны быть строго привязаны только к истории психологии. При рассмотрении других научных дисциплин (физики, химии и т.д.) частные характеристики ступеней его развития нужно было бы несколько видоизменить, но, как представляется, главное направление такого развития для всех наук можно было бы охарактеризовать как движение от интуитивно понимаемой причинности к аналитической и на основе последней – к интегративной (междисциплинарной).

Носителем данного принципа, как и других категорий, служащих методологическими средствами для упорядочивания эмпирически наблюдаемых фактов, является отнюдь не отдельный ученый. Категориальный аппарат глобален и априорен в том смысле, что он выступает в качестве структуры, за которой стоит опыт многих предшествующих поколений исследователей (с. 33–34). Конечно, именно ученый, как индивид, делает то или иное открытие, но "приемлемость" этого открытия и предчувствуется (априорно), и констатируется (апостериорно) только научным сообществом, которое одно только обладает правом включить данное открытие в общий контекст развития научного познания (или придать его забвению). Субъект же научного познания в своем индивидуальном продвижении в предметной области выбранной им науки использует уже готовые методологические "матрицы" разного уровня, которые как бы вкладываются друг в друга – от общих методологических, задающих, в частности, меру интеграции знаний из разных дисциплин, до конкретных, парадигмальных, свойственных конкретной научной дисциплине или научной школе.

Здесь возникает вопрос – именно эпистемологического уровня: в какой форме методологические схемы заимствуются отдельным ученым у научного сообщества, в частности, когда речь идет о принципе "детерминизма"? В качестве подхода к ответу следует рассмотреть формулировку "закона идеогенеза", обуславливающего, по мысли М.Г. Ярошевского, ход индивидуального научного познания. Как он пишет, стадии индивидуального развития творческого ума соответствуют ключевым периодам эволюции воззрений на ту или иную предметную область, пройденной научным сообществом. Основой такого соответствия является не содержание (состав) знания, а его "морфология": при этом отдельный ученый не только заимствует у социума методологические матрицы, существующие в его время и признанные самыми совершенными, но и последовательно прорабатывает все матрицы, разработанные на предыдущих этапах развития научного сообщества. Внешняя похожесть этого закона на "биогенетический" закон отнюдь не порождает иллюзию, что и внутренние механизмы здесь одни и те же. "Идеогенетический" закон ни в коей мере не связан с каким-либо психофизиологическим или генетическим субстратом, благодаря которому мог бы транслироваться научный метод от одного поколения к другому.

Но если допустить, как это делает автор, что индивидуальная мысль в своем развитии проходит закономерно сменяющиеся стадии и не просто движется ко все более совершенной логике, а претерпевает качественные изменения, то необходимо определить, что структурирует это развитие. Если при биогенетическом законе критерием развития является все большая адаптация индивида к меняющейся среде, то в "идеологическом" таковым, по-видимому, следует признать все большую интеграцию в индивидуальном сознании ученого основных элементов науки и культуры.

Правда, сформулировать характеристики субстрата, на основании которого может происходить такая интеграция, оказывается достаточно трудно: ведь должны быть указаны определенные элементы культуры, способные воплощать эту интегрированность. В качестве таковых может, конечно, выступать философия, где принцип "детерминизма" находит четко дефинированное выражение, но обоснованность этого достаточно сомнительна – хотя бы в силу оторванности многих ученых-естественников от чисто философских проблем. Более основательной представляется идея о том, что подобным носителем может служить язык, представленный не столько своей лексикой (в том числе и научной), сколько своей структурой. Эта мысль лишь намечена в рецензируемой книге и, конечно, требует более развернутого

обоснования. Возможно, именно позиция субъекта языкового высказывания (и лишь вторично – научного познания) является ключевой в процессе перехода от одной стадии "идеогенетического" развития к другой. И если сопоставить описанные автором этапы "идеогенеза" в психологии с развитием языковых конструктов, то можно дать, в чрезмерно упрощенном виде, следующий ряд соответствий: гилозоизм и присущая ему идея мировой души – отсутствие Я-границ; механицизм и идея управления – ориентированность на будущее и формирование рефлексии (как соответствие "образцу"); биодетерминизм и идея коммуникаций – установление соотношений Я и Другой; психодетерминизм и идея "глубины" психического – уяснение своей истории (Я и прошлое).

Из других понятий, вводимых автором, обращает на себя внимание понятие "надсознательного", которое, в отличие от обычной деятельности сознания, представляет собой форму активности субъекта, позволяющую ему в ответ на потребность исторической логики в разработке предмета знания давать различные, иногда прежде не существовавшие, проекты воспроизведения этого предмета. При этом, что важно, творческий процесс может быть детерминирован "потребным будущим науки": предмет, на который направлена индивидуальная активность субъекта научного познания, сопровождается не только логическими, или методологическими, структурами (например, той или иной формой "детерминизма"), но и ценностными.

В этой короткой рецензии удалось рассмотреть, достаточно фрагментарно, лишь некоторые моменты эпистемологической позиции, положенной в основу "исторической психологии науки". А именно: новые методологические средства не устраняют старые, а включаются в их структуру, точно так же как методологические средства более частного характера (парадигмы) включаются в более общие (например, в принцип "детерминизма"); возможна универсальная форма существования методологических средств разных уровней и исторических эпох, которая скорее соответствует языку, нежели философии; система методологических средств пронизана ценностными, целеориентированными элементами.

Если действительно верно, что в основе "исторической психологии науки" лежит особая эпистемологическая позиция, то те принципы, которые "работали" при анализе научного творчества, могут быть распространены и на другие области: психологию детства, патопсихологию и т.д. При этом открытым остается вопрос, стоит ли резко ограничивать, как это делает М.Г. Ярошевский, область "идеогенетической психологии" от нейропсихологии с ее ориентацией на мозговые субстраты.

*И.М. Кондаков,
канд. психол. наук, ст. науч.
сотр. ПИ РАО, Москва*